

ОТЗЫВ

**председателя диссертационного совета на диссертацию Цуй Лу
на тему: «Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской
дальневосточной эмиграции 1920-1950-х гг.», представленную на соискание ученой
степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01. — Русская литература**

Диссертационное сочинение Цуй Лу посвящено важной и актуальной для истории русской литературы теме: анализу поэтического наследия одного из основных центров русской послереволюционной эмиграции — дальневосточного — и его связи с китайской культурой и литературой. Как справедливо отмечает диссертантка во «Введении», только трех поэтов из этой группы можно назвать сравнительно известными и относительно изученными, и уже поэтому изучение данной страницы истории русской литературы представляется актуальной задачей. Решая ее, Цуй Лу обращается к большому неисследованному материалу, включающему более десяти поэтических имен, ряд антологий и сборников лирики, а также множество редких эмигрантских изданий, в первую очередь — газет и журналов. Однако диссертантка не ограничивается историко-литературным описанием малоизученного материала, ее интересует особый «китайский текст» русской диаспоры (понимаемый в духе В. Н. Топорова) и определяемый этим текстом феномен эмигрантского мифа.

Автор диссертации достаточно полно владеет литературой вопроса как на русском, так и на китайском языках; она знакома в том числе и с работами своих предшественников по изучению эмигрантского мифа. «Транскультурный» подход, которого придерживается Цуй Лу, вносит в эту научную литературу необходимое общекультурное и общетеоретическое измерение.

В *первой главе* исследовательница, опираясь на структуралистский бинарный подход, описывает восприятие Китая литераторами-эмигрантами сквозь призму оппозиций «культура» vs. «природа», «прошлое» vs. «настоящее». «Русский Харбин становится для поэтов дальневосточного зарубежья воплощением утраченной родины и воспроизводится в их творчестве как некий космос по сравнению с хаосом послереволюционной жизни в России», — заключает исследовательница в начале работы (стр. 18) и в дальнейшем постоянно обращается к этому противопоставлению. Цуй Лу дает очерк истории Харбина как «эксцентрического» и «искусственного» нового города и делает вывод, что история во многом определила мифологию, в том числе проводимые русскими поэтами аналогии с Петербургом. Вполне убедительными, в частности, кажутся

указания на истоки некоторых стихотворений А. Несмелова, восходящих к пушкинскому «Медному всаднику» (стр. 23–24). Попытки отождествить свою новую родину с потерянной, несомненно, имели мифологический характер. Этот миф прочно вошел в сознание эмигрантов, о чем говорит их осмысление Харбина как «города сновидений», «райского уголка» и т.п. Поэты считали своей миссией сохранение русской культуры и открытие «окна в Россию», и эта консервативная установка во многом определила традиционалистскую поэтику и тематику их произведений. Спецификой дальневосточной эмиграции по сравнению с европейской была невозможность растворения в местной культуре, отдельное существование понятия «русский Харбин» от понятий «Китай» или «Восток» (стр. 29). Однако эмигранты, и в особенности литераторы, не могли не вступить с китайской культурой в диалог, — и именно эту тему раскрывает диссертантка.

Анализируя творчество А. Несмелова, Цуй Лу с помощью имагологического подхода показывает, что поэт осмыслял отношения русских и китайцев через противопоставления различных образов — рек, цветов, границ, лодок и др. Китай в стихах Несмелова и его товарищей часто приобретал вид царства смерти, молчания, отчуждения. Однако жизнь в окружении китайских слов и реалий приводила к невольным заимствованиям, как лексическим, так и культурным. Появлялись стихотворения с восточной экзотикой в духе Гумилева (стр. 41), стихи о китайской природе, некоторые авторы чувствовали сопричастность к судьбе китайского «маленького человека» (стр. 41). К числу последних принадлежал и Несмелов, чьи стихи показывают постепенное преодоление стереотипных представлений о чужой культуре через мотивы крестьянского труда, преданности, трудолюбия, долготерпения (стр. 45), то есть свойств, традиционно приписываемых русскому крестьянству.

Поиски пути (диссертантка проницательно отмечает, что названия сборников эмигрантов центрируются вокруг лексемы «путь», стр. 47) оборачиваются у младшего поколения поэтов поисками идентичности, что приводит к вхождению элементов «китайского текста» в их творчество. Цуй Лу показывает роль, которую сыграли в этом несколько эмигрантских альманахов (стр. 50), деятельность обществ «Понедельник» и «Восток», визит в Харбин Н.К. Рериха, труды синологов и переводчиков. идеи евразийцев. По ходу этой деятельности менялось отношение русских эмигрантов к Китаю как к отсталой стране с бесплодной культурой и актуализировался «миф о пробуждающемся Востоке или об Азии как колыбели пракультуры» (стр. 54). Как убедительно показано в диссертации, об этом свидетельствуют стихи М. Волина, Е. Яшнова и других поэтов.

Во *второй главе* Цуй Лу обращается к вопросам развития эмигрантского мифа по ходу постижения поэтами духовной традиции Китая. Осознав свою чуждость принявшей их стране, многие творческие люди стремились перенять элементы китайской культуры: это показывается на примере произведений М. Щербакова (сборник «Отгул», рассказ «Корень жизни», сборник прозы «Одиссеи без Итаки»), трудов евразийца Вс.Н. Иванова (публицистическо-философские книги «Мы», «Огни в тумане», ряд художественных произведений), стихотворений В. Марта, В. Янковской и др. Уже в 1933 году Щербаков ставит перед руководимым им обществом «Понедельник» задачу «преломления всего виденного здесь в своем творчестве» (стр. 70). Постепенно русские поэты начинают понимать значение традиционных китайских символов (бамбук, дракон), элементов быта (китайская кухня), обычаев (гадание) и философии (даосское понимание гармонии; представления о душе; отшельничество). Смещаются исторические акценты: так, у Вс.Н. Иванова «субъектом угрозы выступает техническая цивилизация Запада в противоположность аграрной культуре Китая» (стр. 78). В результате подобных процессов в культуре русской дальневосточной диаспоры «формируется миф о древнем и вечном Китае как выражение экзистенциального прозрения» (стр. 100), который, как мне представляется, остается актуален в России в наше время.

В *третьей главе* диссертантка, следуя логике постепенного «погружения» своих героев в китайскую культуру, обращается к творчеству самого известного и самого «китайского» из поэтов эмиграции — В. Перелешина. В творчестве этого автора, как показывает Цуй Лу, изначально наиболее отчетливо звучали акмеистические и, в частности, гумилевские ноты. В связи с этим заметим, что крайне интересны рассыпанные по всей диссертации указания на гумилевские подтексты в стихах дальневосточных поэтов (см., например, стр. 37, 41, 73, 77, 102, 121). Удачно, например, противопоставление восточных мотивов у двух поэтов-воинов — Несмелова и Гумилева (стр. 37, 41). Что касается Перелешина, то Цуй Лу показывает не только влияние на него акмеизма, но и делает заключение о влиянии классической китайской поэзии на поэта-синолога и переводчика. Очень интересно сравнение «китаизма» Перелешина с «эллинизмом» Мандельштама (стр. 104). Перелешин выступал не только как поэт, но и как этнограф, исследователь китайского быта и традиционной китайской символики. В результате поэтика Перелешина обогащается экзотическими рифмами, а иногда даже китайской метрикой, стихи становятся «восточно-пейзажными» и в то же время «однотонными» — все это способствует обновлению русской элегии. Сходные процессы происходили в творчестве Ю. Крузенштерн-Петерец, которая в большей степени обращалась к фигурам из китайской истории. Крайне интересны параллели между поэзией

Перелешина и Ли Бо, в частности трактовка русским поэтом мотива луны (стр. 115). Ценны для стиховедения наблюдения Цуй Лу над влиянием китайской метрики на лаконический стиль ряда поэтов-эмигрантов (стр. 118) и соображения о возможности адекватного перевода китайской поэзии (стр. 120), о сонетах на китайскую тему (стр. 123). Формальные черты поэзии Перелешина и других авторов связываются диссертанткой с особенностями их двойной идентичности, поиском синтеза западной и восточной культур (стр. 125). Немаловажной чертой поэтики Перелешина и ряда других поэтов было тяготение к буддийским идеям (диссертантка видит истоки этого явления в концепциях и произведениях Вл. Соловьева и символистов). Как верно замечает Цуй Лу, «обращение поэтов к буддизму способствует мифологизации эмигрантских реалий, познанию новой реальности, чем китайской повседневности» (стр. 130). Однако Перелешин не ограничивается этими задачами и, как показывает диссертантка, постепенно становится настоящим знатоком буддизма и даосизма, который в конце находит свой «эклектический» религиозный путь (стр. 138), отразившийся в проанализированном в диссертации сборнике «Звено» (1970).

В «Заключении», подводя итоги исследования, Цуй Лу приходит к выводу, что развитие поэзии дальневосточной ветви эмиграции осуществляло «движение от состояния хаоса к упорядоченному космосу творчества» (стр. 147).

Список использованной литературы включает 249 позиций, в том числе пять на иностранных языках. Основные положения работы изложены в серии научных статей.

В целом диссертация Цуй Лу написана со знанием материала, основательно, продуманно и доказательно, однако можно высказать некоторые мелкие замечания.

Далеко не все поэты харбинской эмиграции оказались героями этого сочинения. Очень жаль, например, что всего один раз упоминается имя и совсем не анализируется творчество такого забытого поэта, как Леонид Евсеевич Ещин (1897–1930), стихотворение которого «Беженец» чрезвычайно важно для раскрытия темы диссертации. Безусловно, интересно в изучаемом аспекте творчество Александры Петровны Паркау (в замужестве Нилус, 1889–1954), например, такие стихи, как «Туда – к чужим», «Серебряный Дайрен», «На чужбине», «По китайскому календарю». В отличие от Несмелова и Перелешина, эти поэты забыты полностью, и филологический анализ их творчества мог бы способствовать расширению наших знаний о поэзии диаспоры. Впрочем, это замечание можно рассматривать как пожелание для дальнейшей работы.

Кроме того, следует отметить некоторые неудачные выражения: «с прикосновением в бытовую культуру Китая» (стр. 40), «сцена совершения ритуалов обретения женьшени» (стр. 64); допущена ошибка в французском названии сборника

М. Щербакова «Vitraug de notre-dame» (стр. 65) <правильно “Vitraux de Notre-Dame”>; иногда выпадают русские буквы.

Указанные замечания не влияют на общую высокую оценку труда диссертанта.

Диссертация Цуй Лу на тему: «Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920-1950-х гг.» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 1.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Цуй Лу заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. — Русская литература. Пункт 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Дата: 30.04.2021

Председатель диссертационного Совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории русской литературы
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Степанов Андрей Дмитриевич



Адрес филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета:

Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург, 199034.